

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-1-146-158

© А. В. Пугин, © С. А. Семячко

СЕВЕРНОРУССКИЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ В «АЛФАВИТЕ РОССИЙСКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ...» СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КНИЖНИКА ИОНЫ КЕРЖЕНСКОГО*

В исследовании древнерусской агиографии большой интерес представляют старообрядческие начинания в этой области. Старообрядцы хранили память о святых Древней Руси, включали их жития в свои сборники, создавали собственные редакции и своды агиографических памятников.

Одним из таких сводов является известный сегодня в единственном списке «Алфавит российских чудотворцев и явлений богородичных икон»,¹ составленный старообрядческим книжником Ионой Керженским. Эта объемная рукопись (формат 2°, 641 лист, полуустав) датируется началом XIX века.² Имя составителя «Алфавита...» указано в обширном предисловии (л. 21–35 об.): «керженский постриженник многогрѣшный инок Иона» (л. 33). Однако, как сообщается в том же предисловии, рукопись была изготовлена другим человеком — «московскимъ жителемъ мещан<ином> Ермил<ой> Феодор<овым> пореклу Бухаринымъ» (л. 35 об.); свою работу по переписке сборника он начал в 7315 (1807) году.³

Единственная специальная статья, посвященная Ионе Керженскому и его «Алфавиту...», принадлежит А. А. Турилову.⁴ Исследователю не удалось разыскать биографические данные об Ионе. Очевидно только, что Иона был старообрядцем, связанным с керженскими скитами в нижегородском Заволжье. Известно имя керженского старообрядца Ионы Белбазского,⁵ но его деятельность приходится на первую половину XVIII века, поэтому он не мог быть автором «Алфавита...». В более ранней своей работе, где Иона упоминается только мимоходом, Турилов отождествил его с Ионой Курносим († после 1780 года) — настоятелем Комаровского скита на Керженце, писателем

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

¹ Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. № 15544. Общего заглавия рукопись не имеет. «Алфавитом...» данное сочинение принято называть по первой статье — месяцеслову (л. 1–19): «Алфавитъ по числамъ каждаго мѣсяца, начиная с сентября, всемъ российскимъ чудотворцамъ и страдалцемъ со означениемъ празднѣствъ явленіевъ богородичныхъ иконъ и тѣхъ, кои были до ввѣдения в Росію христианской вѣры, означенныхъ здесь на поле двумя запятными литерами и со означениемъ же и о всехъ святыхъ, кому из нихъ есть службы» (л. 1). Текст «Алфавита...» цитируется с сохранением буквы «ѣ» на конце слов и буквы «ѣ», все остальные устаревшие буквы заменяются современными; знаки препинания расставлены по современным правилам пунктуации. Работа с рукописью осуществлялась *de visu*, а также по фотографиям, сделанным для нас Т. И. Гулиной, которой выражаем свою искреннюю благодарность.

² См. описание рукописи: Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. 3. С. 166–168.

³ Нельзя исключить того, что при переписке оригинала в текст могла вноситься в том или ином объеме правка. В частности, невозможно наверняка сказать, все ли ссылки, уточнения и комментарии на полях рукописи принадлежат Ионе, или какая-то их часть добавлена переписчиком. В статье мы атрибутируем Ионе памятник целиком, включая и маргиналии, хотя вполне осознаем некоторую условность этой атрибуции.

⁴ См.: Турилов А. А. Иона Керженский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 490–492. Он обратил внимание на то, что бумага основной части имеет белые даты «1813» и «1814», а указатели написаны особым почерком на бумаге с датой «1819».

⁵ См.: Сироткин С. В. Белбазские скиты в XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 157, 162, 167–168; Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. С. 88.

и историографом.⁶ Но в статье 2011 года, опубликованной в «Православной энциклопедии», исследователь воздержался от этого отождествления. Действительно, если верны выводы В. И. Байдина, согласно которым Иона Курносый (в миру Исакий) принял постриг на Урале, до прихода на Керженец,⁷ то он не мог именовать себя «керженским постриженником». Вопрос об авторе «Алфавита...» требует дополнительных разысканий.

«Алфавит...» представляет собой сборник житий русских святых, повестей о монастырях, сказаний о чудотворных иконах и гимнографических сочинений. Иона «сбирал материалы для свода более 20 лет, делая особый упор на разыскание неизданных агиографических и гимнографических текстов (в предисловии отмечено наличие в «Алфавите...» более 60 житий и 45 служб, отсутствующих в печатных книгах)».⁸

Тексты в сборнике расположены в хронологическом порядке: «по времени каждого бытия и преставления, одинаго за другимъ, держась болѣе времени преставления и убияния» (л. 35). В предисловии обещан алфавитный перечень имен и названий, который читатель должен найти в конце рукописи, но этого указателя нет. Слово «алфавит», использованное для названия открывающего сборник месяцеслова, вероятно, понималось Ионой просто как список, перечень. Впрочем, не исключено, что этому названию придавался не буквальный, а символический смысл. Алфавит в христианской картине мира означает универсальное целое, завершённую систему — именно к такой полноте в освещении русской святости, судя по всему, и стремился Иона.

«Алфавит...» Ионы может быть поставлен в один ряд с теми старообрядческими сводами в области агиографии и агиологии, которые были созданы в XVIII веке. Таковы, в первую очередь, Выговские четии минеи, «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова и «Книга глаголемая описание о российских святых...», представляющая собой краткий перечень святых по областям с историческими справками.⁹ Во всех этих памятниках выбраны разные принципы расположения материала и перечисления святых: географический — в «Книге глаголемой...», календарный (наиболее традиционный) — в Четиих минеях, по чинам святости — в «Слове воспоминательном...». Иона Керженский придерживался, как было сказано, иного принципа — хронологического, поскольку памятник был задуман им в целях создания широкой панорамы становления и истории христианства, Церкви и святости на Руси. История русского христианства в жизнеописаниях святых и чудотворениях от икон — так может быть определен предмет «Алфавита...».

Этой теме посвящено и составленное Ионой историко-богословское предисловие к своду. Историю становления христианства он начинает с известий о проповеди апостолов, уделяя особое внимание Андрею Первозванному и его путешествию по русской земле. Фрагмент о ранних ересьях и чуждых верах открывается подробным экскурсом в историю мусульманства, что, по-видимому, связано с конфессиональной ситуацией на той территории (вероятно, в Поволжье), где жил Иона. С опорой на Повесть о новгородском белом клобуке излагается теория «Москва — Третий Рим». Главная же мысль Ионы заключается в том, что Россия в своей святости во всем подобна древним христианским центрам — Палестине, Египту, Византии и Риму. Он выстраивает целую цепочку уподоблений русских святых древним: «Тамо царь первый въ христианскихъ царехъ Константин — здѣ же князь Владимиръ Киевский; тамо царица

⁶ См.: Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 59.

⁷ См.: Байдин В. И. Кто ты, Иона Курносый // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург, 1995. С. 32–47.

⁸ Турилов А. А. Иона Керженский. С. 491.

⁹ Сбором сведений о русских святых занимался и выговский писатель Ф. П. Бабушкин (1764–1842). Им были составлены обширный месяцеслов (см.: Романова А. А. «Полный месяцеслов» Ф. П. Бабушкина // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 476–567) и каталог русских святых, который, правда, известен сегодня лишь в очень кратком варианте (см.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 17, № 28).

Елена, обрѣтшая во Иерусалимѣ честный крестъ Господень, — здѣ же княгиня Елена же киевская <т. е. княгиня Ольга. — А. П., С. С.>» (л. 26 об.) и т. д. Система подобий продолжается по чинам святости: сперва приводятся имена древних, потом русских святителей-миссионеров, благоверных правителей, иерархов, основателей монастырей, юродивых Христа ради, мучеников. По такому же принципу, но не столь подробно перечисляются и чудотворные иконы. Примечательно, что события церковного раскола XVII века и петровских реформ не получили освещения в предисловии. Иона ограничивается только историей Святой Руси — Третьего Рима — до его падения. По утверждению автора, при Втором Пришествии «останокъ живыхъ истинныхъ христіанъ» Христос обретет «от сея России, а не от другой какой страны» (л. 30). Такая оптимистическая историософская концепция Ионы свидетельствует о том, что он принадлежал к старообрядцам-поповцам, беспоповская эсхатология не нашла в его сочинении отражения.

Иона перечисляет также многочисленные источники, которыми он пользовался и из которых заимствовал сведения и сами тексты: месяцесловы, иконописные подлинники, Степенная книга, Пролог, Киево-Печерский патерик, печатные и «древле-рукописные» минеи (четии и служебные), в том числе «Книга житий святыхъ» Димитрия Ростовского, «Церковная история» Цезаря Барония, «Зерцало российских государей» (СПб., 1789) и многие другие.

«Алфавит...» включает десятки русских агиографических текстов, как известных, так и редких. Причем приводятся они в новых, вероятно, составленных самим Ионой кратких редакциях. Комплексное исследование этого свода еще предстоит выполнить в будущем. В настоящей статье мы ограничиваемся анализом отдельных памятников севернорусской — поморско-обонежской и вологодской — агиографии. Основная ее цель заключается в том, чтобы показать некоторые приемы работы агиографа с источниками и проанализировать литературные особенности его редакций. Позднее происхождение этих редакций не лишает их научного значения в изучении литературной истории памятников, поскольку «текстология ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на протяжении всего того времени, пока изменялся текст памятника».¹⁰

Житие Александра Свирского (в «Алфавите...» — на л. 401 об. — 407 об.), основателя Троицкого монастыря недалеко от реки Свирь, Иона разыскал «во особенной книжке древняго рукописнаго писма, у христіолюбивыхъ людей обрѣтающейся» (л. 407 об.), содержащей полный текст памятника в его ранней редакции.¹¹

Начальную часть Жития — рассказа о детстве Александра (в крещении Амоса), о его взаимоотношениях с родителями, о пострижении в Валаамском монастыре — Иона пересказал предельно кратко, но при этом оставил даты, имена и другие фактические детали. Более подробное повествование начинается с основания Александром Троицкого Свирского монастыря. Иона сохранил сведения о приходе в пустынь к Александру боярина Андрея Завалишина, которому путь к святому указал олень, родного брата Александра Иоанна и старца Никифора. В древнерусском Житии каждому из этих первых насельников монастыря посвящена отдельная глава. Иона сократил эти главы до небольших эпизодов, но при этом бережно сохранил фактографию. Подробно, практически без сокращений, изложены центральные эпизоды Жития —

¹⁰ Лихачев Д. С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 27 (курсив наш. — А. П., С. С.).

¹¹ Рукописную традицию Жития Александра Свирского в последние годы изучает А. Е. Соболева. К редакции Ионы Керженского она обратилась в статье, посвященной рассмотрению по разным спискам только одного эпизода Жития — о явлении святому Троицы. По ее наблюдениям, Иона взял за основу Минейную редакцию Жития, составленную в XVI веке Иродионом (Кочневым), и рассказ о Троице сохранил «почти полностью» (Соболева А. Е. «Якоже второй Авраамъ»: как рассказывали о явлении Пресвятой Троицы прп. Александру Свирскому книжники XVI–XIX вв. // *Hermeneumata* — 70. Сб. науч. статей к 70-летию А. М. Камчатнова (в печати)).

явления святому Живоначальной Троицы в 1508 году, а затем ангела в монашеском одеянии, повелевшего построить церковь. Большое внимание в своем пересказе Иона уделил и рассказу духовного сына Александра Даниила о видении Александра Свирского в раю в 1525 году. Этот текст, важный для укрепления культа св. Александра, также составляет в древнерусском Житии самостоятельную главу, которая иногда в сборниках встречается отдельно от Жития — ее Иона воспроизвел почти без сокращений. Интерес старообрядческого книжника к этому эпизоду объясняется, возможно, и тем, что тексты «малой эсхатологии», видениярая и ада были очень популярны в старообрядческой книжности и нередко использовались в полемических целях.¹² По смертные чудеса Александра Свирского в редакции Ионы полностью опущены.

Важной особенностью работы Ионы как агиографа и агиолога является его стремление найти в источниках и сообщить информацию о тех учениках святого, которые сами были удостоены прославления. Не стал исключением и пересказ Жития Александра Свирского, в заключительной части которого Иона упомянул учеников святого со ссылкой на «древлеписменный месяцеслов» — Макария Оредежского, а также Игнатия, Леонида, Дионисия, Феодора, Ферапонта и Корнилия, погребенных рядом с родителями святого Сергием и Варварой. Еще об одном ученике святого — Афанасии, который был очевидцем (сотаинником) явления Александру Свирскому Богородицы — сообщается на поле: «в писменных месяцесловах сей Афанасий почитается во святыхъ» (л. 406 об.). В этом перечне учеников примечательно их малое количество — ведь по утверждению архимандрита Никодима (Кононова) Александр Свирский «воспитал целый сонм угодников Божиих» (Адриана Андрусовского, Геннадия и Никифора Важеозерских, Афанасия Сяндебского, Иону Яшезерского и многих других основателей севернорусских монастырей).¹³ Адриану Андрусовскому («Олонецкому») в «Алфавите...» посвящена краткая память, но учеником Александра Свирского он не назван. Как не назван «Сяндебским» и сотаинник Александра Свирского Афанасий, запись о котором как о святом Иона все же нашел в каком-то месяцеслове. Некоторые преподобные были осмыслены как ученики Александра Свирского в последующие десятилетия XIX века,¹⁴ уже после составления «Алфавита...» — Иона Керженский зафиксировал начальный этап формирования «свирской школы» святости.¹⁵

Гораздо более полно в «Алфавите...» представлен соловецкий собор святых. Главным источником Жития Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Ионы (л. 300–311) послужил поздний вариант этого агиографического памятника, в котором текст разделен на 73 главы («...во особенномъ ихъ житии древлеписменномъ в седмидесяти трехъ главахъ», л. 303). По-видимому, Иона взял за основу список III варианта III Краткой редакции, по классификации С. В. Минеевой, с полным описанием чудес (текст в этих списках разбит обычно на 72–74 главы). Данная редакция была широко распространена в рукописной традиции XVII–XVIII веков и переписывалась в отдельных («монографических») сборниках, содержащих Службы, Житие и чудеса Зосимы и Савватия.¹⁶ После краткого изложения «биографической» части Жития (сперва

¹² См.: Пугин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 206–237.

¹³ Никодим (Кононов), архим. Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 54.

¹⁴ Karvonen I. Pyhän Aleksanteri Syväriläisen koulukunta — 1500-luvun luostarihistoriaa vai 1800-luvun venäläiskansallista tulkintta? Joensuu, 2013. S. 173.

¹⁵ В Свяцах Ф. П. Бабушкина, которые также составлялись на рубеже XVIII–XIX веков, список учеников Александра Свирского имеет некоторые отличия от «Алфавита...» (среди учеников не указан Макарий Оредежский, но зато к ним причислены Геннадий и Никифор Заднекифоровской пустыни), но и он весьма невелик (см.: Романова А. А. «Полный месяцеслов» Ф. П. Бабушкина. С. 476–567).

¹⁶ Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. 1. С. 228–231, 302–305. Список Жития в сборнике Ионы Керженского Минеева не привлекает. Этот же вариант текста Жития был использован при составлении соловецкого агиографического сборника «Сад спасения» (см.: Панченко О. В. Книга «Сад спасения» — соловецкий агиографический свод переходной эпохи: история текста // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2022. Т. 69. С. 294–367).

о Савватии, затем о Зосиме) Иона выборочно привел переложения 14 посмертных чудес святых, в которых представлены разные проявления их чудотворной силы (исцеления недужных, спасение на море, явления Зосимы, исходящего из своей гробницы, и т. д.).

Далее следует перечень учеников святых и прославленных насельников монастыря с изложением кратких сведений о них. Список открывається именем Германа Соловецкого, повествование о котором Иона составил на основе Жития Зосимы и Савватия, «Повести о блаженном старце Германе, спостнице преподобным отцем Зосиме и Саватию»¹⁷ и «древлеписменных» месяцесловов. После Германа Соловецкого под порядковыми номерами даны известия о митрополите Филиппе, игуменах Иакове и Иринархе, Диодоре Юрьегорском, пустынножителе Андрее Труднике, Елеазаре Анзерском, первом соловецком архимандрите Илии, юродивых Иоанне, Гурии и Иоанне Похабном (л. 308 об. — 310 об.) — весь этот текст, в той же последовательности имен, был заимствован с некоторыми сокращениями из «Истории об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова.¹⁸

Панегирик Диодору Юрьегорскому, очень краткий в «Истории...», Иона дополнил выпиской об этом святом из «Слова воспоминательного о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова¹⁹ («Бысть же сей Диодоръ претеплый пустынныхъ отецъ питателный поствъщатель, такоже и жития ихъ и безмолвия ревнитель. И елико на бѣсы крѣпкий ратникъ, раны от нихъ на тѣлѣ приемля, не изнемогаше, но присно молитвенными стрѣлами на супостаты стрѣляя...» и т. д., л. 309). Это сочинение — Иона называет его «Похвальным словом всем русским чудотворцам» — было известно ему по одному из двух старообрядческих изданий (Супрасль, 1786; Гродно, 1786), где оно было напечатано вместе со Службой всем российским чудотворцам инока Спасо-Евфимиева суздальского монастыря Григория.²⁰ «Слово воспоминательное о святых чудотворцах...» использовано Ионой и в других статьях «Алфавита...».

В число почитаемых подвижников Соловецкого монастыря Иона включил и иноков, во главе с архимандритом Никанором, погибших за Старую веру в ходе Соловецкого восстания 1667–1676 годов. Небольшой текст об этих святых составлен Ионой также на основе «Истории...» Семена Денисова, но с одним существенным отличием. Датой захвата монастыря правительственными войсками Иона, в полном соответствии с исторической действительностью,²¹ назвал 22 января 1676 года, а не 29 января, как у Семена Денисова. 29 января умер царь Алексей Михайлович — и перенос даты захвата обители на этот день объясняется тем, что выговскому писателю «хотелось одновременно этих событий усилить мысль о том, что смерть царя — это не что иное, как Божья кара за расправу над Соловецким монастырем».²² При этом Иона, не вполне удачно, попытался совместить две даты: «...и другая иноки и священноиноки, пострадавшая за истинную православную христианскую вѣру въ скончаемая времена, из нихъ по избииении генваря въ 22 день до пятисотъ святыхъ тѣлеса лежали на лду при брезѣ окияна моря и повешеныя, от 29 генваря почти до самага Петрова дни пребывали ничемъ невредимы» (л. 310 об.). Однако в месяцеслове, которым открывается

¹⁷ Об этом памятнике см.: *Дмитриева Р. П.* Житие Германа Соловецкого // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А–К. С. 252–254.

¹⁸ См.: *Денисов С.* История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подг. Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М., 2002. С. 38–42.

¹⁹ О памятнике см.: *Юхименко Е. М.* «Слово воспоминательное о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова как отражение культурно-агиологических начинаний Выга // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2010. Т. 61. С. 329–344.

²⁰ Об этих изданиях см.: *Вознесенский А. В.* Старообрядческие издания XVIII — начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996. С. 119–121. О том, что Иона знал Слово Семена Денисова по одному из этих изданий, свидетельствует его указание на обнаружение Слова «в Суздальскомъ Евфимиевомъ монастырѣ» (л. 31 об., 337 и др.) — так, вероятно, он понял сообщение в главици открывающей издание Службы о ее написании «во обители Евфимия Суждалскаго».

²¹ См.: *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 77–79.

²² *Денисов С.* История об отцах и страдальцах соловецких. С. 213.

«Алфавит...», Иона отдал предпочтение более ранней дате, записав память соловлян, погибших за Старую веру, под 22 января: «Месяц генварь. <...> 22 числа. <...> И пострадавший за истинную Христову вѣру соловецкия трудники, Никоноръ <sic!> архимандритъ и с нимъ в то же время утоплѣнныя в море и разнообразно умученныя болѣе пятисотъ» (л. 7–7 об.). Дату 22 января Иона мог найти в Соловецком летописце²³ — этот памятник он использовал в своей работе; в частности, он ссылается на него в краткой справке о соловецком игумене Антонии (л. 311).

В число соловецких подвижников Иона включил также Онуфрия Соловецкого, Стефана Трудника соловецкого на Осинках, Корнилия и Авраамия Палеостровских и Лонгина, Германа и Боголепа Кожеозерских. Включение в сонм соловецких угодников Божиих святых Палеостровского на Онежском озере и Кожеозерского в северном Поонежье монастырей едва ли не уникально. В месяцеслове Ионы Корнилий Палеостровский указан под 23 августа и прямо назван «Соловецким» (л. 19), Герман Кожеозерский — под 8 августа среди учеников Зосимы Соловецкого (л. 18), Боголеп и Лонгин — под 12 августа вместе с соловецким юродивым Гурием (л. 18 об.).

Если кожеозерские подвижники упомянуты в таком контексте явно по недоразумению,²⁴ то осмысление Корнилия Палеостровского как соловецкого святого, вероятно, имело свою логику. Скорее всего, оно стало результатом буквально понятого пророчества соловецкого юродивого Гурия черному дьякону Игнатию, которое приводится в «Истории...» Семена Денисова: «Игнатие, изыди от монастыря сего (Соловецкого. — А. П., С. С.), ибо свой монастырь (Палеостровский. — А. П., С. С.), равный, собереши».²⁵ Это предсказание знаменитой палеостровской «гари» 1687 года, организованной дьяконом Игнатием, Иона изложил следующим образом: «Гурий блаженный инокъ <...> страдалцу Игнатию иеродиякону о создании Пальгостровскаго монастыря прорече, еже и збытсѣся» (л. 310). Если Игнатий Соловецкий является «создателем», пусть и иносказательно, Палеостровского монастыря, то и святые «начальники» этой обители Корнилий и его ученик Авраамий могут по праву именоваться «соловецкими». Иона, вероятно, знал о том, что Корнилий и Авраамий жили задолго до дьякона Игнатия, однако хронологический принцип в данном случае не так важен. В символической картине мира история может повернуться вспять: более поздние события наделяют новым смыслом события более ранние.

Важно подчеркнуть, что весь рассмотренный круг известий о соловецких святых, включая краткие редакции Жития Зосимы и Савватия, составляет в «Алфавите...» единый текст, который можно считать опытом создания краткого варианта Соловецкого патерика.

Житие Александра Ошевенского в редакции Ионы (л. 332–337 об.) интересно, прежде всего, выбором посмертного чуда святого. Основой для новой редакции Жития, вошедшей в состав «Алфавита...», послужила Основная редакция (первой половины XVII века) памятника,²⁶ текст которой был сильно сокращен. Иногда Иона приводил дословные выписки из текста, но чаще старался кратко пересказывать его, сохраняя все значимые эпизоды источника. Наиболее подробно изложены история рождения святого, его предсмертное завещание к братии и пророчество об ожидающих монастырь испытаниях после его смерти, видение поселянином Марком Николы Угодника, Кирилла Белозерского, Александра Ошевенского и будущего игумена Максима.

²³ Летописец Соловецкий // Отдел редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия. Инв. № 45614р. Л. 19 (список конца XVIII века) («...Соловецкой монастырь взять взятиемъ во 184-м году генваря 22 дня; мятежники соловецкие порублены и казнены смертию...»).

²⁴ См. о них: *Полтаева Е. А.* Лонгин, Герман и Боголеп Кожеозерские // Православная энциклопедия. М., 2016. Т. 41. С. 428–429.

²⁵ *Денисов С.* История об отцах и страдальцах соловецких. С. 41.

²⁶ О редакциях Жития Александра Ошевенского см.: *Пигин А. В.* Краткие редакции Жития Александра Ошевенского // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации: Сб. статей к 70-летию Александра Гавриловича Мельника. М., 2022. С. 145–172 (здесь же см. текст Жития в редакции Ионы Керженского); *Пигин А. В., Юхименко Е. М.* Преподобный Александр Ошевенский: Житие, похвальные слова, молитвы: Исследования и тексты. СПб., 2023.

Уделено внимание и последующей судьбе монастыря — строительству Успенской и новой Никольской церковью, написанию образа Александра Ошевенского иконописцем Симеоном.

Из многих посмертных чудес Иона выбрал только одно — чудо о нем Стефане, у которого после молитв Николу Угоднику и Александру Ошевенскому вырос отрезанный разбойниками язык. Это чудо как пример совместного чудотворения двух святых выделяли и авторы Похвального слова Александру Ошевенскому (начало: «Времени светлующуюся...», XVII век) и церковной Службы. Старообрядческого писателя Иону Керженского этот эпизод мог заинтересовать благодаря вероятным ассоциациям с историей отсечения языка у «соузников» протопопа Аввакума по пустоозерской ссылке попа Лазаря, старца Епифания и дьякона Федора. У всех троих, как и у персонажа Жития Александра Ошевенского, язык вырос вновь, только был, как писал Аввакум, «маленько тупенек».²⁷

В заключительной части упоминаются Служба святому и «Похвальное слово всем русским чудотворцам» («Слово воспоминательное...» Семена Денисова), из которого сделана выписка об Александре Ошевенском: «Добродѣтелями, яко ясны златыми, и преподобными подвигами, яко камениемъ многоцѣннымъ, душу свою обложивъ, украси» и т. д. (л. 337–337 об.). Заканчивается редакция Ионы описанием внешнего облика Александра Ошевенского, заимствованным из «древлеписменных месяцесловов» (из иконописного подлинника).

Достаточно полно в «Алфавите...» представлены памятники вологодской агиографической традиции, которые в древнерусской книжности были тесно связаны друг с другом. Это действительно традиция, а не случайный набор текстов, объединенных тем, что их герои подвизаются неподалеку друг от друга.²⁸ Одно вологодское житие может служить другому литературной моделью, быть источником обширных заимствований, или несколько житий могут быть ориентированы на один и тот же образец. Кроме того, в ряде вологодских агиографических памятников может идти речь о нескольких подвижниках, связанных друг с другом сложными личными отношениями. Иона, включивший в свой «Алфавит...» немалое количество житий вологодских святых, оказался внутри этого запутанного клубка источников, поэтому его работа с вологодским агиографическим материалом интересна в первую очередь именно с источниковедческой стороны.

Основной прием работы Ионы с вологодскими житиями — радикальное сокращение текста. Этого автор добивается, не удаляя отдельные эпизоды, а последовательно пересказывая текст. Посмертные чудеса святого он пересказывает в том случае, если их мало; обычно же он их просто называет или указывает на их множество. Чудеса прижизненные, которых, как правило, бывает немного, Иона в основном бережно сохраняет, лишь несколько редуцируя их текст. Исключение Ионой прижизненного чуда святого является, с нашей точки зрения, значимым и требует своего объяснения.

Одно из таких исключений имеет место в тексте Жития Димитрия Прилуцкого. При работе над этим Житием (л. 247–250 об.) источником Ионе послужила Макарьевская или Минейная редакция памятника (скорее всего, вторая, в силу ее большей распространенности).²⁹ Эти две редакции отличаются от редакций более ранних, в частности, наличием рассказов о чудесах, совершенных святым при его жизни в Спасо-Прилуцком монастыре. Один из таких рассказов — о гибели родного брата Ди-

²⁷ Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума. Житие инока Епифания. Житие боярыни Морозовой / Изд. подг. Н. В. Поньрко. СПб., 1994. С. 48–49 (ср. также в Житии инока Епифания: С. 97–98).

²⁸ Подробно об этом см.: Семячко С. А. Проблемы изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. [Т. 1]. С. 122–142.

²⁹ Иона сам ссылается на «древлеписменное» Житие Димитрия Прилуцкого «творения Макария, игумена обители его». Указание на авторство Макария в заголовке Жития сохранили и Макарьевская, и Минейная редакции этого текста. Их текст см.: Преподобный Димитрий Прилуцкий: Житие и Служба / Изд. подг. С. А. Семячко и Ф. В. Панченко. Вологда, 2018. С. 123–182.

митрия. Иона по каким-то соображениям, о которых можно только догадываться, не включает его в свой текст.

По версии как Макарьевской, так и Минейной редакций Жития, брат преподобного был купцом (что неудивительно, поскольку Димитрий происходил из купеческого рода), причем не слишком удачливым. Чтобы поправить свое положение, он решил отправиться торговать в землю язычников и пришел к своему брату за благословением. Димитрий дважды благословлял брата на торговлю в чужих землях (и эти поездки были весьма удачны), а на третий раз отказал. Брат, отправившийся в поездку без благословения, сгинул там без вести. Эта история трактуется в Житии как чудо: Димитрий предвидел смерть своего брата и потому не дал благословения. Однако в большей степени акцент делается на желании брата-купца иметь лишнее («Всегда же насыти суть очи челоувѣчстии и беруще имѣние!»³⁰). С точки зрения старообрядца XIX века (не стоит забывать, что едва ли не большинство русских купцов прилежали к Старой вере), стремление больше заработать не являлось грехом, прибыль не могла трактоваться как «лишнее».

В тексте Ионы нашли отражение и посмертные чудеса преподобного Димитрия: о корчете, о вятчанах, о нашествии на Вологду князя Димитрия Юрьевича, о помощи Димитрия Прилуцкого во время первого казанского похода, о болящем Поликарпе. Чудо о корчете датировано 6917-м (1409) годом. Эта дата и указание на тот факт, что болезнь случилась «во областях владимерьскихъ, юрьевьскихъ, дмитровскихъ, можайскихъ, ржевскихъ, рязанскихъ, торускихъ и въ московскихъ, даже до Вологды» (л. 249 об.), были взяты Ионой из Степенной книги, ссылку на которую он оставил на левом поле того же листа: «Степенная книга, 1 часть, лист 569».

Иона знает и про установление празднования Сретению образа Димитрия Прилуцкого, при этом он ссылается (на левом поле л. 250 об.) на «Печатной месяцесловъ при патриархѣ Иосифѣ в лѣто 7153». Таким образом он распределяет источники: основные указывает в конце текста, дополнительные — на полях рукописи, напротив соответствующей информации.

Главным источником «Повѣсти о Каменном монастырѣ и о труждающихся въ немъ первоначалникахъ» (л. 205 об. — 208 об.) стало Сказание о Спасо-Каменном монастыре, известное в рукописях с третьей четверти XVI века.³¹ Текст Ионы представляет собой вполне точный и довольно краткий пересказ Сказания. Важно отметить, что наибольшей редукции подверглись главы, повествующие о подвижниках (Дионисии Глушицком, Александре Куштском и Иоасафе Каменском), жития которых Иона помещает далее в своем сборнике, используя при этом в качестве одного из источников Сказание о Спасо-Каменном монастыре. Иона оставляет в тексте Повести лишь указания на факты, связывающие этих святых с обителью, делая при этом в каждом случае отсылку к полному тексту Жития преподобного, помещенного далее в «Алфавите...», а в каждом из этих житий он ссылается на находящуюся впереди Повесть.

В целом, система ссылок Ионы заслуживает внимания. В конце текста он обычно перечисляет свои источники или, как в «Повѣсти о Каменном монастырѣ», указывает единственный источник: «Сия повѣсть о Каменномъ монастырѣ составлена от многихъ книгъ, послѣ бывшаго в немъ пожару собранныхъ старцомъ Паисиемъ, и приобщена къ Житию святаго князя Иоасафа Каменскаго, и обрѣтается въ древлеписменной книгѣ, с которой здесь и внесено» (л. 208). В этой записи почти полностью воспроизведено самоназвание Сказания о Спасо-Каменном монастыре,³² которое действительно в рукописях, как правило, соседствует с Житием Иоасафа Каменского. Но помимо помещенной в конце текста ссылки на Сказание, на полях в четырех случаях

³⁰ Там же. С. 130; см. также: С. 160.

³¹ Перечень и датировку списков Сказания о Спасо-Каменном монастыре, историю его текста, а также сам текст см.: *Семлячко С. А.* Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности. Вологда, 2021.

³² Ср.: «Сказание известно о Каменском монастыре и о первоначалникахъ Каменскаго монастыря, от приспоамятнаго старца Паисѣя святаго Ярославова, той собра от многихъ книгъ после пожара Каменскаго монастыря» (Там же. С. 27).

имеются дополнительные ссылки: напротив известия под 6926 (1418) годом о поставлении игумена Дионисия епископом в Ростов — «Лѣтописец печатной в Москвѣ 1784 года да з древлеписменнаго» (л. 206 об.); напротив сообщения о преставлении игумена Дионисия в 6931 (1423) году — «В томъ же печатном лѣтопис<цѣ>» (л. 207); напротив упоминания об изгнании великого князя Василия Васильевича Дмитрием Шемякой — «Во означенномъ же печатномъ летописцѣ, лист 255» (л. 207 об.); напротив сообщения о пожаре в Спасо-Каменном монастыре — «В вышепомянутом же печатном московском лѣтописцѣ, лист 286» (л. 208). Упоминаемый на полях печатный летописец — это не что иное, как «Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534 лета, то есть до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу» (М., 1784), представляющий собой издание Типографской летописи по списку ГИМ. Синодальное собр. № 789. Таким образом, в конце текста оказываются «древлеписменные» источники, освященные традицией, лучшие в основу текста Ионы, а на полях — книга гражданской печати, в которой Иона отмечает параллели, как бы удостоверяя истинность изложенного в тексте.³³

Если в средневековой традиции Сказание о Спасо-Каменном монастыре, как правило, соседствует в рукописях с Житием Иоасафа Каменского, то Иона нарочито разводит эти тексты. Вполне возможно потому, что между ними обнаруживаются определенные противоречия, которые Иона никак не комментирует.

Об Иоасафе Каменском рассказывают два памятника средневековой традиции — Житие преподобного Иоасафа и Сказание о Спасо-Каменном монастыре, — несколько противоречащие друг другу, особенно в части описания жизни князя Андрея (будущего Иоасафа) до его пострижения.³⁴ Иона, прекрасно знавший оба эти текста, для своей редакции Жития Иоасафа Каменского (л. 295–298 об.) выбирает в качестве основной версию средневекового Жития, кстати, в большей степени соответствующую реальному положению вещей: князь Андрей постригается после смерти своей жены, с которой он прожил всего лишь год после свадьбы. И в целом, Иона добросовестно пересказывает Житие Иоасафа и лишь ближе к концу текста помещает сообщение о пожаре в Спасо-Каменном монастыре и указывает его дату, извлеченную из Сказания о Спасо-Каменном монастыре. При этом создается впечатление, что сам Иона посещал обитель на Каменном острове: посреди рассказов, взятых из Сказания, обнаруживается фраза («А образы его, святаго Иоасафа, издавна написанныя, стояли единъ на налои, и другий на гробницѣ с тѣмъ крестомъ с мощми святаго», л. 298), источником которой были, как кажется, личные впечатления.

Описание внешности Иоасафа Каменского Иона приводит, опираясь на «древлеписменные месяцесловы»: «Младъ, в комилавкѣ черной, кудерцы видны ис-под комилавки; ризы преподобническия. Нѣцны же пишутъ: схима на плѣчахъ, в руцѣ свитоць, а в немъ написано: „Владыко Иусе Царю, призри с высоты небесныя“» (л. 258–258 об.). Описание соответствует записям иконописных подлинников.³⁵ Соединение иконописного подлинника с месяцесловом вполне естественно, поэтому перенесение наименования «месяцеслов» на весь сборник не вызывает удивления.

В конце текста Иона делает дополнение: «А в похвалномъ слове всѣмъ русским чудотворцамъ, найденномъ въ Суздальскомъ Евфимиевомъ монастыре, на оборотъ четьредесять втораго листа сказано сими словами: „Иоасафъ Каменский, княжения высоту иноческими одеждами изъмѣнивый“» (л. 298 об.). Как и в случаях с Диодором Юрьегорским и Александром Ошевенским, он обращается здесь к старообрядческому

³³ По окончании Жития Иоасафа Каменского на свободной части листа 298 об. помещен еще один рассказ о Спасо-Каменном монастыре, записанный другим почерком, в целом также опирающийся на Сказание о Спасо-Каменном монастыре.

³⁴ Подробно см. об этом: Семячко С. А. Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь... С. 194–195.

³⁵ См.: Маркелов Г. В. Святые Древней Руси: Материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники). СПб., 1998. Т. 2. Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII–XIX веков. С. 129, № 235.

изданию 1786 года «Слова воспоминательного о святых чудотворцах, в России воссиявших» Семена Денисова.³⁶

Обычно Иона не комментирует записываемый им текст. Поэтому привлекает внимание его замечание на правом поле л. 297 напротив фразы «И повелѣ нѣкимъ от брати начати свое правило»: «Какое, неизвѣстно». Судя по всему, Иона был внимателен по отношению к уставным вопросам и неясность в тексте его смущала.

Источники составленного Ионой Жития Дионисия Глушицкого (л. 269–274а) указаны в конце текста: «древлеписменное» Житие, Сказание о Спасо-Каменном монастыре, печатный Пролог и Служба Дионисию, читающаяся в месячной Минее. «Древлеписменным» Житием была одна из ранних редакций Жития Дионисия Глушицкого — Основная или Минейная. Самым главным различием между ними являются «риторические» части Жития, вступление и заключительная похвала, однако Иона Керженский практически избавляет свои тексты от риторики, лишая их вступления и предельно минимизируя похвалу. Другим ориентиром при определении основного источника может быть порядок повествования и датировка отдельных событий, о которых идет речь.³⁷ Иона выстраивает свой текст в строгой хронологической последовательности, при этом указывая даты: 6901-й (1393) год (освящение церкви святителя Николая в Святой Лучице), 6908-й (1400) год (обращение за помощью к князю Димитрию Заозерскому), 6910-й (1402) год (обращение к ростовскому епископу Григорию за благословением на основание Покровского Глушицкого монастыря), 6911-й (1403) год (создание «малой» Покровской церкви в монастыре), 6920-й (1412) год (строительство «велией» церкви), 6927-й (1419) год (посещение в Ростове архиепископа Дионисия и получение от него иконы Богоматери с Младенцем), 6928-й (1420) год (основание Сосновецкого Предтеченского монастыря), 6935-й (1427) год (приход к Дионисию пермского игумена Тарасия), 6945-й (1437) год (кончина преподобного Дионисия). Все эпизоды, местоположение которых было бы значимым для определения источника (конфликт с Павлом Обнорским, приход к Дионисию Григория Лопота и основание последним Пельшемского монастыря), Иона в свой текст не включает. И дело в данном случае вовсе не в местоположении указанных эпизодов в тексте ранних редакций Жития Дионисия Глушицкого, а в том, что Иона создает свои версии этих житий, собирая в них всю доступную ему информацию, в том числе и из Жития Дионисия Глушицкого. Не вставляет Иона в свой текст Жития преподобного Дионисия и подробности появления в Глушицком монастыре его ученика Амфилохия, поскольку главу об Амфилохии, присутствующую в тексте как Основной, так и Минейной редакции, он использует при создании самостоятельного жития Амфилохия. Обращение к этому Житию, о котором речь пойдет далее, позволяет, по крайней мере, исключить из числа возможных источников Ионы одну из разновидностей текста Основной редакции Жития Дионисия Глушицкого, в которой приход Амфилохия в Покровский Глушицкий монастырь датирован 6935-м (1427) (список РНБ. Софийское собр. № 1491 и др.), а не 6925-м (1417), как в прочих, годом.³⁸

Остаются лишь очень ненадежные косвенные свидетельства в пользу Основной редакции Жития Дионисия Глушицкого как главного источника для Ионы Керженского, говорящие не о том, что есть в тексте Ионы, а о том, чего в нем нет. Во-первых, Иона никак не касается роли ученика Дионисия Глушицкого Макария в документировании жизни своего наставника, в то время как две главы Минейной редакции Жития преподобного Дионисия маркированы в надписаниях пометой: «А писалъ Макарей,

³⁶ В отличие от извлечений о Диодоре Юрьегорском и Александре Ошевенском, Иона указал здесь лист, на котором находится цитата из «Слова воспоминательного...». Это указание позволяет установить, что в данном случае он пользовался супрасельским изданием.

³⁷ Сравнительную таблицу датировки событий в Основной и Минейной редакциях Жития см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 84–85.

³⁸ Там же. С. 85.

ученик Дионисиевъ». ³⁹ Во-вторых, ссылаясь на Службу Дионисия Глушицкого, Иона указывает, что взял ее из Минеи месячной. Стоило ожидать, что при опоре на текст Минеинной редакции Иона указал бы на ее нахождение в составе Четвѣй минеи на июнь, в составе которой эта редакция, по преимуществу, и бытовала. В-третьих, Основная редакция была более широко распространена, нежели Минеинная. ⁴⁰

Что касается Службы, то в служебные минеи попала полиелейная Служба преподобному Дионисию, представленная абсолютным большинством списков. ⁴¹ Впрочем, вопрос, какая именно Служба была в распоряжении Ионы Керженского, не имеет никакого значения: в службах преподобному Димитрию нет таких сведений, какие не содержались бы в Житии. Точно так же и указанный Ионией в качестве одного из источников текст Жития Дионисия Глушицкого из печатного Пролога (а в состав печатного Пролога это Житие попало начиная с издания 1643 года) не содержит никакой информации, которой не было бы в полных редакциях Жития. ⁴² Фактически, Иона называет Службу Дионисию и его Житие из печатного Пролога исключительно для придания большей авторитетности своей источниковой базе. Указание на тот факт, что внешность преподобного Дионисия «в Житии и въ Прологу описуется», не имеет особого значения, поскольку в Пролог портрет Дионисия попал из ранней редакции Жития (Основной или Минеинной), легшей в основание проложного текста.

Единственным дополнительным источником к «древлеписменному» Житию для Ионы стало Сказание о Спасо-Каменном монастыре, откуда он почерпнул сведения о происхождении преподобного и историю его пострижения. При этом Иона, безусловно, не задается вопросом о достоверности этих сведений. ⁴³ Для него всякий рукописный текст старой традиции («древлеписменный») обладает безоговорочным авторитетом (если, конечно, он не обнаруживает противоречий с другим «древлеписменным» текстом, как в случае с Житием Григория Пельшемского, о чем будет сказано далее). Иона собирает сведения, не вникая в детали. Так, совершенно очевидно, он не понимает литературной игры автора первоначального текста Жития преподобного Дионисия, скрывшего свое имя с помощью математического шифра и таким же образом «спрятанного» некоторые слова. ⁴⁴ Из этих слов в текст Ионы попадает лишь одно — название «болшия рѣки Пифаругонии»: так он искажает слово «Пифарухона», расшифровываемое как «Сухона». ⁴⁵

³⁹ Там же. С. 160, 163.

⁴⁰ Перечень списков Жития Дионисия Глушицкого, пусть не окончательный, но вполне репрезентативный, с указанием редакции текста см.: Там же. С. 100–103.

⁴¹ В настоящее время выявлены три Службы Дионисию Глушицкому: бденная, известная сейчас в единственном списке, представленная большинством списков полиелейная и сохранившаяся в единственном дефектном списке Служба, сконтаминированная из песнопений бденной и полиелейной. Наблюдения над историей Службы Дионисию Глушицкому были представлены в докладах С. А. Семячко «К истории Службы преподобному Дионисию Глушицкому» (Бражниковские чтения, ИРЛИ РАН, 10.11.2022) и «К истории текста Жития Дионисия Глушицкого» (Одиннадцатый Агиографический семинар, ИРЛИ РАН, 07.12.2022).

⁴² Текст Жития Дионисия Глушицкого в редакции печатного Пролога см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого. С. 212–213.

⁴³ Незнание автором Жития Дионисия Глушицкого (речь в данном случае идет о первоначальном тексте Жития, к которому восходят и Минеинная, и Основная редакции) иноком Глушицкого Покровского монастыря Иринархом, написавшим свой текст, согласно авторской приписке, в 1495 году, Сказания о Спасо-Каменном монастыре — вещь достаточно очевидная. Текстуальные совпадения между этими двумя памятниками объясняются заимствованием из Жития преподобного Дионисия в Сказание. Содержащаяся в Сказании история о происхождении и пострижении Дионисия Глушицкого не находит подтверждения (впрочем, как и опровержения) в других источниках. Велика вероятность, что этот рассказ сочинен создателем «агиографической» части Сказания по типу аналогичного рассказа о происхождении и пострижении Александра Куштского. Подробнее об этом см.: Семячко С. А. Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь... С. 173–180.

⁴⁴ Декодировку зашифрованного текста, сохранившегося в составе как Основной, так и Минеинной редакций, см.: Семячко С. А. Житие Дионисия Глушицкого. С. 88–90.

⁴⁵ См.: Там же. С. 90.

Как уже было сказано, работая с Житием Дионисия Глушицкого, Иона извлек из его текста главу, посвященную ученику преподобного Амфилохия, и превратил ее в самостоятельное агиографическое сочинение (л. 275–276). Иона пошел тем же путем, каким, как минимум, дважды шли до него другие книжники в XVI и в XVII веках, независимо друг от друга пытаясь создать Житие Амфилохия Глушицкого.⁴⁶ В самом же Житии Дионисия Иона оставил лишь краткое сообщение об ученике святого, ставшем после кончины преподобного игуменом Покровского Глушицкого монастыря.

Завершая Житие Амфилохия, Иона указал день кончины преподобного, 12 октября, и поместил описание внешности святого. И то и другое было взято из иконописного подлинника, при этом Иона сослался на него как на «древлеписменный месяцослов». Что касается года преставления Амфилохия Глушицкого, то «о томъ повѣсти не обрѣтется, а толко послѣ 6945-го» (л. 276), т. е. после кончины своего наставника Дионисия, вслед за которым Амфилохий возглавил монастырь.

Александр Куштский — еще один святой, начало деятельности которого традиционно связывается со Спасо-Каменным монастырем. Создавая его Житие (л. 279–281 об.), Иона собрал немало источников. Он, безусловно, учел Сказание о Спасо-Каменном монастыре, что отметил в своей «Повѣсти о Каменном монастырѣ», но основным его источником, как практически всегда, стало «древлеписменное житие» святого, под которым, скорее всего, следует понимать Житие Александра Куштского в редакции А с двадцатью чудесами.⁴⁷ В тексте Жития, написанного Ионой, отсутствует эпизод прихода преподобного Александра на Сянжему, характерный для редакции В, и присутствует указание на посмертные чудеса «въ двадцати главахъ».⁴⁸ Портрет святого Иона берет, по его словам, из печатного Пролога, что, как и в случае с Житием Дионисия Глушицкого, является избыточным действием: портрет присутствует и в «древлеписменном житии». Напротив записи о возрасте святого («Поживе же от рождения своего шездесять восемь лѣтъ два месяца и два дни», л. 281) на правом поле стоит помета: «Древлеписменной месяцеслов». Эту ссылку стоит воспринимать как дополнительную, подтверждающую, поскольку информация о возрасте присутствует и в тексте редакции А Жития Александра Куштского. По окончании текста Жития Иона помещает тропарь и кондак преподобному Александру, взятые из Месяцеслова, изданного при патриархе Иосифе (М., 1646).

История преподобного Григория Пельшемского нашла отражение в Житии святого, известном в нескольких редакциях,⁴⁹ а один ее эпизод, повествующий об отношениях Григория Пельшемского и Дионисия Глушицкого, дошел до нас и в Житии Дионисия. Разные редакции Жития Григория по-разному излагают историю его жизни, поэтому Иона, который имел перед собой несколько источников, столкнулся при работе над Житием Григория Пельшемского (л. 286–289) с серьезными проблемами. В его распоряжении была редакция Жития, которая в исследовательской литературе получила название Редакции сборников («древлеписменное житие»), и текст из печатного Пролога (в издании 1685 года), который восходит к тексту Минейной редакции. Интересен ход размышлений Ионы при выборе основного источника: «Въ помянутомъ печатномъ в лѣто 7193-е <1685. — А. П., С. А.> Прологу повѣствуетъ сего святого

⁴⁶ Исследование и тексты двух житий Амфилохия Глушицкого см.: *Семячко С. А. Житие Амфилохия Глушицкого // Святые подвижники и обители Русского Севера. С. 218–231.*

⁴⁷ Текст его см.: *Семячко С. А. Житие Александра Куштского // Святые подвижники и обители Русского Севера. С. 245–260.*

⁴⁸ Хотя посмертные чудеса являются ненадежным свидетельством в пользу той или иной редакции, поскольку часто живут жизнью, отдельной от основной части жития, в Житии Александра Куштского их набор достаточно устойчив: редакция А традиционно сопровождается двадцатью чудесами, а Тулуповская редакция, так же не имеющая эпизода о приходе преподобного Александра на Сянжему, сопровождается значительно большим количеством чудес (см.: Там же. С. 279–295).

⁴⁹ Подробно см. об этом: *Семячко С. А. К истории текста Жития Григория Пельшемского // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57. С. 617–632.*

Григория начальный приход, пострижение и приятие священства в Макарьевъ монастырь, на Желтыхъ водахъ состоящемъ, а въ Богородичномъ монастырь близъ езера бытие его игуменомъ, а архимандритомъ в Ростовъ въ Спаскомъ монастырь не описует. Но, какъ выше явствуетъ, в древлеписменномъ житии его, изъ котораго здѣ написано, свидѣлствуетъ именно начальной приходъ и пострижение в томъ Богородичномъ монастырь, а вмѣсто игуменства тамъ — бытие его въ Ростовъ архимандритомъ, что и в Житии преподобнаго Дионисия Глушицкаго утверждается сицевыми словами: „Прииде нѣкто от града Галича, бывый архимандритомъ во градъ Ростовъ, Григорий именовъ, емуже преподобный Дионисий даде келию в монастыре, называемомъ Сосновець“» (л. 289). То есть «древлеписменный» источник (тем более в данном случае их два) оказывается авторитетнее печатного, пусть и средневековой традиции. Не в пользу печатного Пролога — и год его издания (эту характеристику печатных книг Иона стремится всегда указывать, таким образом он отделяет дониконовские издания от пореформенных).

Обращаясь к житиям вологодских святых, Иона как будто бы разматывает созданный древнерусскими книжниками агиографический клубок. Иона действует по принципу: одному святому — один текст, что несколько отличается от его работы с соловецким материалом. Он собирает сведения о святом из разных сочинений в одно житие, по возможности убирая противоречия, неизменно указывая источники, охватывая их максимально широко и подтверждая отдельные положения своего текста дополнительными ссылками на полях на исторические сочинения, как рукописные, так и печатные.

Анализ севернорусских житий в «Алфавите...» позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Иона прекрасно справлялся с задачей краткого изложения крупных текстов, сокращая риторические фрагменты и топосы, но не упуская важной информации, выбирая наиболее значимые эпизоды. Помимо самих житий, он обращался и к другим источникам, в том числе старообрядческим, в поисках дополнительных сведений о святых и об их учениках и последователях. Иона явно стремился к сохранению особенно ярких, увлекательных с точки зрения сюжетного повествования эпизодов — например, видений, рассказов о необычных чудесах. Разумеется, в его сочинении немало ошибок и домыслов, практически неизбежных в такой объемной работе, выполненной (если доверять предисловию) одним человеком. В целом труд Ионы можно квалифицировать как своеобразный «справочник», «путеводитель» по истории русской святости. Однако в отличие от появившихся позднее «исторических словарей» русских святых Иона не ограничивался фактографией, но старался сохранить литературную основу древнерусских житий, выступал как историк и агиограф одновременно. Дальнейшее изучение этого памятника позволит, вероятно, выявить и другие принципы работы Ионы с исходным материалом.

В «Алфавите...» Ионы вряд ли удастся обнаружить ранее неизвестные исторические факты о русских святых или о почитании икон. Ценность его в другом — в возможности изучения приемов, которыми старообрядческий писатель нового времени пользовался при редактировании агиографических текстов, при выборе и обработке источников. Исследователям русской агиографии необходимо в дальнейшем уделить более пристальное внимание этому интересному памятнику.